

**СКАЗКИ ШАРЛЯ ПЕРРО «ЗОЛУШКА» И МАРИ-КАТРИН Д'ОНУА
«ВОСТРУШКА-ЗОЛЯНКА»: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-
ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**
**CHARLES PERRAULT'S "CINDERELLA" AND MARIE-CATHERINE
D'AULNOY'S "VOSTRUSHKA-ZOLYANKA": AN EXPERIENCE
OF COMPARATIVE-TYPOLOGICAL ANALYSIS**

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ сказок «Золушка» Ш. Перро и «Вострушка-Золянка» М.-К. д'Онуа, созданных во Франции в эпоху Просвещения. Рассматриваются композиционные, стилистические и идеологические аспекты произведений с целью выявить, как каждый автор интерпретирует архетипический сюжет о Золушке в соответствии с эстетическими предпочтениями и ценностями эпохи. Анализ позволяет увидеть отражение различных тенденций в развитии французской литературы XVII века.

Ключевые слова: сказка; архетипический сюжет; прециозная эстетика; моральные ценности; мотив переодевания; фольклорная основа.

Abstract: The article provides a comparative analysis of the fairy tales "Cinderella" by Sh. Perrault and "Vostrushka-Zolyanka" by M.-K. d'Aulnoy's, created in France in the Age of Enlightenment. The compositional, stylistic and ideological aspects of the works are examined in order to reveal how each author interprets the archetypal plot of Cinderella in accordance with the aesthetic preferences and values of era. The analysis allows us to see the reflection of different tendencies in the development of French literature of the XVII century.

Keywords: fairy tale; archetypal plot; precioso aesthetics; moral values; motif of cross-dressing; folklore basis.

Эпоха французского Просвещения, ознаменованная спорами между «древними» и «новыми» о путях развития литературы, породила феномен волшебной сказки [2]. Сравнительный анализ «Золушки», сказки Ш. Перро, и «Вострушки-Золянки» М.-К. д'Онуа позволяет выявить как общие сюжетные мотивы, так и принципиальные различия, отражающие авторскую специфику и мировоззрение. Сюжет о Золушке является одним из самых распространенных в мировом фольклоре, однако в данном исследовании особый интерес представляет сравнение именно этих сказок, созданных во Франции в один исторический период. Следовательно, их анализ позволяет выявить специфические черты французской культуры XVII века, отраженные в литературных произведениях.

В обеих сказках используется архетипический сюжет о героине, проходящей через испытания и получающей заслуженное вознаграждение. Обе истории разворачиваются как противостояние матери, которая «отказывается» от своих дочерей (М.-К. д'Онуа) / злой мачехи (Ш. Перро) и трёх сестер, две из которых не любят и не принимают самую младшую. Как Золушка, так и Вострушка становятся слугами в собственном доме, терпят побои и оскорбления. И та, и другая лишены возможности достойно предстать перед обществом. Однако несмотря на общую фабулу, композиция и сюжет сказок существенно различаются. «Золушка» развивается линейно, фокусируясь на преображении героини и ее встрече с принцем, в то время как «Вострушка-Золянка» отличается большей разветвленностью сюжета, включая мотивы побега от родителей, путешествия к фее и борьбы с людоедами, что напоминает структуру сказки Шарля Перро «Мальчик с пальчик», где разворачиваются похожие сюжетные линии. Эти различия в композиции и сюжете отражают авторские подходы к раскрытию темы и акцентированию определенных аспектов истории.

Так, уже в экспозиции проявляются существенные различия. Перро концентрируется на описании тяжелой доли Золушки, подчёркивая её угнетённое положение в семье. Становится понятна безысходность, её пассивность по отношению к ситуации. Героиня словно обречена на безвыходное страдание без чуда. В противоположность этому д'Онуа представляет Вострушку принцессой, чьё благополучие было разрушено из-за политических неудач её родителей. Важно, что Вострушка сама проявляет инициативу, подслушивая планы родителей и активно стараясь найти помощи у феи. Возникает контраст, который создаёт основу для дальнейшего развития сюжета.

Шарль Перро, чья «Золушка» вошла в сборник «Истории, или Сказки былых времен» (1697), стремился к фольклорной стилизации и моральной ясности. Его сказки представляют собой литературную обработку традиционных сюжетов. Язык «Золушки» прост и доступен, а повествование лишено излишней детализации. Эта «разумность, порядок, точность и простота сказок соответствовали картезианской логике» [3, с. 209–210], как отмечает М. В. Разумовская. Например, описание превращения тыквы в карету и мышей в коней дано в сжатой, лаконичной форме: «Крестная вычистила тыкву и, оставив лишь корку, ударила ее своей палочкой – тыква тотчас превратилась в прекрасную золоченую карету» [4, с. 55]. Перро не стремится к созданию живописных картин. Основной акцент сделан на моральных качествах героини и вознаграждении добродетели. Так, Золушка, «хоть и носила скверное платье, была во сто раз красивее, чем ее сестры, щеголявшие великолепными нарядами» [4, с. 54]. Перро использует сказку как инструмент для трансляции важных для общества нравственных принципов: честности, усердия, доброты и взаимопомощи. Его произведения часто сближают с философскими повестями XVIII века, где на первый план выходит обучение нравственности.

Мари Катрин д'Онуа, в отличие от Перро, писала «аристократические сказки», пронизанные прециозной эстетикой. Ее язык более витиеват и изобилует сложными метафорами. Здесь встречаются гиперболы, гротеск, ирония, сатира. Автор использует элементы бурлеска и пародии, создавая комический эффект.

Например, описание людоеда и его жены: «Людоед был в шесть раз выше жены, от его раскатистого голоса дрожал весь дворец, а его кашель грохотал как гром. У него был только один огромный жуткий глаз, волосы торчком, а в руках полено – это была его трость» [1, с. 252].

Д'Онуа использует сказку не только с целью провозглашения моральных ценностей, но и для демонстрации своего литературного мастерства и отражения вкусов аристократического салона. Её Вострушка, в отличие от Золушки, проявляет большую активность и предприимчивость, что может рассматриваться как попытка д'Онуа расширить рамки традиционного женского образа. Приведем пример эпизода встречи с людоедом и его женой: Вострушка, попав в плен к людоеду, проявляет смекалку и хитрость, чтобы спасти себя и сестер. Она не просто ждет помощи, а обманом заманивает великана в раскаленную печь: «Монсиньор, я бросаю туда кусочек масла и пробую его языком... И людоед, нагнувшись, полез прямо в печь, да так глубоко, что не смог выбраться и сгорел дотла» [1, с. 254]. Затем, не теряя самообладания, она избавляется и от жены людоеда. Важно отметить, что д'Онуа использует фольклорную основу сказки, однако «обращается с ней весьма свободно» [5, с. 196–197].

Д'Онуа предлагает читателю насладиться пышными описаниями внешности персонажей и окружающей обстановки, создавая атмосферу роскоши и изысканности. Вместо лаконичных зарисовок Перро, мадам д'Онуа тщательно выписывает детали, подчеркивая богатство и величие мира, в котором живут ее героини. Например, вот как описывается наряд Вострушки, собравшейся на бал: «Принцесса облачилась в платье из синего шелка, расшитое звездами и брильянтами; на голове у нее сияло солнце, а на спине – луна, и такой свет струился от ее одежд, что на нее невозможно было смотреть не мигая» [1, с. 256]. Или, например, описание дворца, в котором Вострушка и ее сестры оказались после победы над людоедами: «Они обошли все залы, изукрашенные жемчугом и брильянтами и обставленные такой роскошной мебелью, что принцессы не помнили себя от радости» [1, с. 255].

Характерной чертой «салонной» литературы является также высокий социальный статус героев, что находит отражение и в сказке М.-К. д'Онуа. В «Золушке» развязка проста: героиня находит принца и становится принцессой, а сестры, осознав свою вину, просят прощения. В «Вострушке-Золянке» развязка сложнее: Вострушка не только находит принца, но и возвращает родителям королевство, восстанавливая их социальный статус. Сестры также получают прощение и становятся королевами.

Нельзя не отметить, что «Золушка» Ш. Перро также содержит в себе черты аристократической сказки. Отчётливо прослеживается «гладкость» повествования, умышленно подчеркнутое изящество манер, благородство героев. В тексте преобладают мотивы красоты и порядка. Отец Золушки – «дворянин», а дочери мачехи представлены как «благородные девицы», что указывает на их принадлежность к высшему сословию. Описание интерьеров, например, «сестры ее жили в комнатах с паркетными полами, где стояли самые модные кровати и большие зеркала, отражавшие их с головы до ног» [4, с. 54], отражает эстети-

ческие предпочтения французского прециозного салона и придворной культуры.

С прециозной эстетикой связан и мотив переодевания, который присутствует в обеих сказках, однако его интерпретация существенно различается. В «Золушке» переодевание – это однократное, чудесное превращение, которое на короткое время позволяет героине предстать в другом облики. Платье, карета и хрустальные туфельки служат символами внешней красоты и высокого социального статуса. Однако в сказке это иллюзия, которая исчезает с наступлением полуночи. Образ хрустальной туфельки становится центральным, символизируя хрупкость и мимолётность счастья.

В «Вострушке-Золянке» переодевание – это постоянная игра, как её называет сама автор. Героиня многократно меняет наряды, появляясь на балах в различных обликах: «Эта игра продолжалась еще долго. Не проходило и дня, чтобы Вострушка не показывалась в новом наряде» [1, с. 256]. В этом контексте переодевание не просто маскировка, а способ показать себя с разных сторон. Раскрытие истинной сущности Вострушки в финале не обесценивает предшествующие переодевания, а лишь подтверждает её благородство, внешнюю и внутреннюю красоту.

Несмотря на внешние различия, обе сказки имеют общую цель – трансляцию определенных моральных ценностей. Каждая сказка отражает суть какой-либо добродетели, причем высшей из них у Ш. Перро считаются хорошие манеры. Все герои достигают побед благодаря учтивости, грации и правильному выбору одежды. Так и в «Золушке» мораль гласит:

Все неустанно хвалят вид пригожий,
Но вещь бесценная – да нет, еще дороже! –
Изящество, сказать иначе: лад. <...>
Но покорять сердца возможно лишь одним –
Изяществом, любезным даром феи:
Ни шагу без него, но хоть на царство с ним» [4, с. 58].

Именно изящество, согласно автору, открывает двери во все дворцы и сердца.

Мадам д'Онуа, напротив, акцентирует внимание на великодушии и способности прощать обиды. Стихотворная мораль, завершающая «Вострушку-Золянку», призывает к благородству и милосердию: «Коль благороден ты и жаждешь мщенья, Вострушкино припомни поведенье». Этот акцент на великодушии отражает аристократические представления о чести и достоинстве, где способность прощать врагов считается признаком высокой нравственности. Мораль «дополняет» в каждой сказке то, что было недостаточно акцентировано в основном тексте: эстетизм д'Онуа дополняется выводом, касающимся морали; морализатор Перро напоследок напоминает читателю о значении красоты и изящества.

Таким образом, «Золушка» Перро и «Вострушка-Золянка» д'Онуа, несмотря на общность сюжетных мотивов, являются различными по стилю, содержанию и целевой аудитории. Первая представляет собой пример фольклорной сказки в литературной обработке, а вторая – образец аристократической литературы,

использующей сказочный сюжет для выражения черт прециозной эстетики и великосветских ценностей. Так сказки отразили различные тенденции в развитии французской литературы XVII века.

Библиографический список

1. Д'Онуа, М.-К. Кабинет фей / М.-К. Д'Онуа ; изд. подг. М. А. Гистер ; отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. – М. : Ладомир; Наука, 2015. – С. 242–258.
2. Луков, В. А. Французская литература (XVII век – рубеж XVIII века) / В. А. Луков // Перро Шарль – М., 2003. – URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/lukov-franciya/perro-sharl.htm> (дата обращения: 12.05.2025).
3. Разумовская, М. В. Жанровые особенности французской сказки / М. В. Разумовская. – М., 1984. – С. 209–210.
4. Сказки матушки гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского; под ред. А. Андрес ; послесл. Н. Андреева ; ил. Н. Гольц. – М. : Правда, 1986. – С. 53–59.
5. Чекалов, К. А. Формирование массовой литературы во Франции. XVII – первая треть XVIII века / К. А. Чекалов. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 196–197.